

Бежар вспомнил всех

ОЛЬГА ГЕРДТ

Знаменитый Bejart Ballet Lausanne выступил в Кремлевском дворце с программой The best of Bejart. Первое отделение Морис Бежар посвятил Игорю Стравинскому, второе — своим друзьям, известным шансонье Жаку Брелю и Барбаре. Вечером представление культовое «Болеро» на музыку Равеля.

Площадку для гастролей устроители выбрали неправильно — очевидно, не давали покоя лавры тех, кто собирал в Кремлевском дворце толпы на короля чечетки Флетли или короля фламенко Кортеса. Короля балетного решили продать с не меньшим шиком — и просчитались. При том, что у сцены построили дополнительные ряды для VIP, а прессу загнали на балкон по причине супераншлага — партер с непроданными дорожными билетами пустовал целыми секторами.

Сам Морис Бежар, никак не походивший на эстрадную звезду, трогательно тянулся к народу. На пресс-конференции, обласкав взглядом (пронзительно-голубые глаза Бежара и в семьдесят пять не потускнели) журналистов, общался так охотно и открыто, что стало понятно: отказать всем просившим в интервью — не его идея, а следствие дурного и безграмотного промоушена по-русски, не делающего разницы между Майклом Джексонем и хореографом, которого связывают с Россией давние профессиональные отношения. Ностальгически настроенный, Бежар вспомнил русских балетных эмигрантов, которым обязан классической школой; посетовал, что нет рядом легендарного танцовщика и друга Володи Васильева; простил со всем великодушием Фаруха Рузиматова, на которого, пользуясь случаем, Бежару наступала пресса (премьер Маринки не только без разрешения танцует его «Адажиетто», но и переделал название балета), сказав: «Ничего страшного, пусть»; удивился, что у Григоровича день рождения второго января («А мне он сказал, что первого, как у меня»); а на вопрос, станцует ли он в свои 75, как его любимица Майя Плисецкая, ответил, что не станцует, но «в Кремлевском дворце будет сюрприз».

В КДС Бежар предварил показ балетов на музыку Стравинского трогательным рассказом о том, как еще молодым танцовщиком познакомился «с Игорем». Засунул руку под рубашку и колотил по груди кулаком, чтобы показать, как билось от волнения его сердце. Забыл про микрофон, рассказывая, как взял он старого Стравинского на руки («как мадонна младенца») и понес драгоценную ношу по лестнице, которую немощный композитор уже не мог осилить. Ощущение, что эти гастролы для Бежара — какой-то поздний, интимный и нежный жест в сторону много лет питавшей его культуры, показанные потом балеты — сначала «Скрипичный концерт», а потом «Жар-птица» — только усилили.

Легчайший рисунок из классических рас в «Скрипичном концерте» углублялся эластичными большими плие, романтические пуанты заземлялись стопами-утюжками, графичные комбинации прихотливо рассыпались от какого-нибудь капризного, словно нечаянного эротического телодвижения. Абстрактная композиция, в которой танцовщицы, радуясь каждому дуэту, каждой связке, как встрече после разлуки, целовали друг друга руки — вдруг прояснила, чем взял и чем держал полвека маэстро Бежар именно русскую аудиторию. Ставшую для кого рухлядь, для кого обузой классику сентименталист Бежар переносит в двадцатый век с таким же трепетом и сердцобивием, с каким носил на руках Стравинского. «Жар-птица» по сюите Стравинского 1945 года — яркий образец бежаровской «мягкой» революции: «Я отбросил либретто, принцесс, птичку-женщину, жеманство». Бежаровская жар-птица — пассионарий, божество с человеческим лицом, ведущее за собой толпу и отдающее ей энергию. В «Жар-птице» это тепло буквально передается из ладони в ладонь сидящими в кругу, как вокруг костра, танцовщицами. В «Болеро» — расходитя кругами от танцовщика, гипнотизирующего пассивную массу сексуальными телодвижениями. Революции социальная и сексуальная обрели у шестидесятника Бежара свою формулу и свой ритуал.

«Болеро» в Кремле показали в двух версиях: женской (Элизабет Росс, второй вечер) и мужской (Октавио Стенли, первый вечер). Красавец Стенли, внешне, как и новый премьер Бежара Жиль Роман, вполне отвечающий уже канонизированному бежаровскому типу танцовщика «клоуна-божьего», вряд ли произвел впечатление на тех, кто помнит в этом балете легендарных Хорхе Донна или Майю Плисецкую. Но что поделать, все когда-нибудь кончается. Новый балет Бежара «Брель и Барбара» — поклон друзьям-шансонье — выдержан в духе траурного кабаре. Еще вертится веселая парижская карусель в шлягерной песенке Бреля, еще дурачатся танцовщицы, но главные герои — уже не в центре магического круга (Брель — Жиль Роман, Барбара — Элизабет Росс). Планируют по периферии сцены и солируют в одиночестве.

Яркими солистами труппа Бежара в последнее время не блещет, но в ансамбле по-прежнему хороша Фотограф: Игорь Захаркин/Газета